Приемная студии «Парамаунт» была битком набита искателями кинославы.

— Будьте любезны, передайте мистеру Игли, что я пришел, — попросил я девицу, сидевшую за секретарским столиком.

— А кто вы? — Скажите ему, что пришел Энтони Куинн,— пояснил я, передавая девице тощую стопочку газетных вырезок: рецензии на пьесы, где я играл. — Да, и скажите ему еще, что меня хотел видеть мистер Сесил Б. де Милль.

Девица окинула меня недоверчивым взглядом, но встала и скрылась в кабинете шефа. Через минуту она вернулась и сообщила, что мистер Игли меня примет.

Джо Игли был высокий добродушный

 Что это за сказочку вы там расска-зывали моей секретарше? Вас де Милль видеть хочет и все такое, - с места в карьер начал он.

— Совсем не сказочку! Я слышал, что вам нужен молодой индеец, а я как раз индеец и ищу место.

Это вы-то индеец? Каким образом? Таким, что я действительно индеец из племени шайенов.

 Сынок, я ведь тебя видел в театре, играл ты отлично, но индейцем-шайеном я бы тебя не назвал.

Но меня трудно было сбить с панталыку.
— Что вы, мистер Игли, я ведь отлично говорю по-шайенски, можете проверить.

А ну-ка, скажи мне что-нибудь! — Каси ксаким эледски чумболум!

— A ты уверен, что это действительно шайенский язык? Конечно, уверен. Что я, выдумывать

стану? И то верно! Подожди-ка секунду!

Он поднял трубку и набрал номер де

Милля.
— С. Б.? Вроде бы нашел для вас коечто первоклассное. Ну, помните, вы мне говорили, что вам нужен молодой шайен. вот, он сидит у меня в кабинете.

Де Милль захотел меня немедленно увидеть.

Когда мы выходили из кабинета, Игли взял меня за локоть.

— Слушай, ты старику не говори, что владеешь английским. Делай вид, будто не понимаешь ни слова. Я ведь ему обещал, что найду чистокровного индейца-шайена, прямо с тропы войны.

В кабинете де Милля сидел его «эксперт по колориту», мексиканец, с которым я уже раз встречался. Мы молча кивнули друг другу. Джо Игли представил меня

— Вот этот парень. Кажется, что с ролью он справится.

Де Милль произвел на меня впечатление человека, главная цель которого — заставить собеседника почувствовать себя не в своей коже. Он долго осматривал меня со всех сторон, словно коня покупал. Только что в зубы не слазил. Наконец он сказал:

Что ж, для роли вроде подходит. Он шайен?

- Еще какой! Стопроцентный индеец, -отвечал Джон.
— Посмотрим, умеет ли. он по-своему.

Тут мексиканец повернулся ко мне и издал поток явно на месте изобретенных слов:

— Кстамас ала уауа?

Кстамас нана эллауауа, чериота хо-

деви! — отвечал я равнодушно.

 Превосходно! Господа, перед вами шайен с гарантией!— заявил мексиканец. Де Милль велел мне подождать в приемной, пока они с Игли решат, какую роль мне дать. Через минуту вышел сияющий Игли.

— Отлично, парень, старику ты понравился, но теперь будь осторожен. Я присягнул, что ты шайен, так что не подведи меня, мне бы не хотелось признаваться, что иной раз и соврать могу.

Мне все это было не со же я мечтал сыграть впоследствии и не индейские роли, но нужно было использовать создавшуюся ситуацию. Да и подзаработать было необходимо. Семьдесят пять тать было необходимо. Семьдесят пять долларов в день обещал Джо. Для меня тогда это было состоянием.

На коне хорошо ездишь? — спросил

— Совсем не умею, к сожалению.

Разве не все индейцы прирожденные

— Так-то оно так, да только в резервации, где я родился, вообще ни одного коня не было.

Черт тебя побери, Тони, ты меня в гроб вгонишь! По сценарию ты должен ска-кать на коне. Что делать-то будем?

Дело простое, - я старался сохранять спокойствие. — Если бы вы мне одолжили долларов десять-пятнадцать, я бы взял пару уроков в манеже в Сан-Фернандо.

Недели тебе хватит? -- спросил Джо

Это я вам обещаю.

Бедняга Джо, видать, влез по уши в нашу индейскую авантюру, раз уж тут же полез в карман и без слов отсчитал доллары. Он отвел меня к портному снять мерку на костюм. Игли ушел, а в приемной показался мексиканец. Я спросил его: что за роль я буду играть? Глаза мексиканца забле-

 О, это одна из главных сцен в фильме! Большое везение надо, чтобы такую роль получиты! (Мексиканец был режиссером-неудачником и хорошо понимал, что такое везение.) Молодой вождь призывает индейский народ восстать против белых, которые начали заселять Дальний Запад. Собираются все племена: шайены, сиу, апачи. Вы произносите страстную речь против бледнолицых и ведете народ на войну.

Он еще говорил, а я уже видел эту сцену перед глазами — широкая равнина, а на ней тысячи индейцев, готовых ринуться в бой. Я видел себя верхом на коне, вот я взлетаю одним прыжком на скалу, осматриваю ряды воинов и начинаю. Поскольку текста я не знал, я говорил то, что мне казалось нужным:

«Они угнетают нас; это наша земля, теперь сюда приходят чужие люди, чтобы забрать ее у нас! Мы считали их друзьями, приветствовали их рукопожатием, как честных людей, мы открыли наши сердца! Но теперь мы должны их выгнать, о братья мои, краснокожие люди...»

Я был настолько взволнован, что не мог дождаться, пока выйду из приемной; мне котелось тут же, немедленно начать учить роль наизусть. Началась моя карьера, буду,

буду, буду кинозвездой! В тот же день я поехал со своим приятелем Бертом в долину Сан-Фернандо, где рядом со студией «Уорнер бразерс» был манеж. Часами мы ездили с Бертом по окрестным холмам. При этом я непрестанно упражнялся в будущей роли. Берт, ехавший рядом, преображался в десятки тысяч индейцев. Я же ревел как раненый зверь: — Цоса ойя киса нева! На макай оси

авист!

Проблема еще была в том, чтобы связать эти слова с каким-нибудь смыслом. Я даже не знал, правильно ли произношу эти звуки. Ну да ладно. Сколько в конце концов настоящих шайенов увидят фильм? Единственное, что я знал, было то, что звучит это все примерно по-шайенски.

Несколько ночей подряд мы с моей же-ной Сильви провели над текстом сценария. Снова и снова охватывал меня ужас. Не смогу я все это запомнить! Боже мой, пять страниц абсолютно непонятного языка! Дней через пять-шесть я вызубрил слова назубок и мог единым дыханием проорать весь текст до конца. Еще и сейчас могу произнести этот текст с любого места!

Приближался великий день; я был к нему

уборной гример раскрасил мне лицо в боевые цвета. Тут же дожидался своей очереди Гарри Купер. Никому не пришло в голову нас познакомить. Заметив, как меня размалевывают, он спросил:

Ты, парень, что тут делаешь?

Сегодня играю с вами, мистер Купер. Блеск, — кивнул он. — Увидимся на

— Что за режиссер мистер де Милль? — Малый он неплохой, но придирчивый. Главное, чтобы ты знал роль назубок.

Это напугало меня. Когда Купер уходил, я попросил его:

— Мистер Купер, прошу вас, не сообщайте мистеру де Миллю, что я говорю по-английски. — Я объяснил Гарри, в чем дело, и добавил: - Так что, пожалуйста, не сердитесь, что на съемках не буду с вами разговаривать.

Договорились, парень, не беспокой-- отвечал он со смехом.

Я спросил «эксперта по колориту», кого играет Гарри Купер.

— Гарри Купер — американец, — ооъ-яснил тот, — который пытается установить индейцами мир. Он произносит речь: «Мы живем вместе, как братья...» и так далее. А когда он кончит, встанете вы и скажете: «Этот парень лжет, потому что он белый...» — и тут произносите свою речь.

 Ага, мне уже ясно. — Я начал думать, в какой это находится взаимосвязи с тысячами индейцев, к которым мы оба обрашаемся.

Я сказал себе: «Запомни: к девяти утра гы должен возненавидеть мистера Купера. Потому что скорее всего и он ненавидит индейцев...» И я начал изобретать обвинения против Купера, чтобы «накачать» себя к тому моменту, когда он кончит свою

Я пошел в гардероб и ждал, что меня позовут к камере. Через пару минут пришел костюмер.

Hegerie "N27

Предлагаемая вниманию читателей глава взята из автебиеграфической книги знаменитого американского актера Энтони Куинна «Первородный грех». Советский зритель знаком с творчеством мыманиф еп ения везтрем отенапетвремых отого «Дорога», «Грек Зорба», «Собер Паринскей бегематери», «Пушки острева Наваррона».

Энтони КУИНН

— Послушайте, это какая-то ошибка!— возмутился я.— Вы принесли мне старую рваную рубашку, куртку и мокасины, а я ведь играю вождя.

— Какого еще вождя? — Костюмер неподдельно удивился.— Мне сказали, чтоб я вам дал эти вещи, так что в них и одевайтесь. И притом побыстрее. Де Милль человек точный.

по не могу же я идти сниматься в костюме, который явно не для меня!

— Это тот самый костюм. Поворачивайтесь живее!

Из гардероба я выскочил почти голый, с куском кожи вокруг бедер. Зад сиял сквозь дыры. Оглянулся по сторонам в поисках толпы индейцев, перед которыми я должен произнести речь, и никого не

обнаружил. Ко мне подошел «эксперт по колориту» (звали его Армандо) и внимательно меня осмотрел. Мой костюм не вызвал у него

— Мне кажется, Армандо, что мне перепутали костюм, — шепнул я.

- А чего в нем не хватает?

Но тут появился де Милль, и мне пришлось умолкнуть. Де Милль тоже осмотрел меня и крикнул костюмеру:

- Майк, мне что-то не нравится его рубашка! Тут должна быть дыра, прожжен-

ная, что ли. И позови гримера — пусть ему сделает на плече рану.

Это удивило меня, но, не смея говорить

по-английски, я спросил у Армандо на ломаном испанском языкег

- Что здесь, ко всем чертям, делается? Скажите сеньору де Миллю, что я хочу с ним поговорить.

Что он лопочет? — тут же спросил лль.

— A ничего, мальчишка немножко нервничает, — объяснил Армандо.

— Эй, вы! Я не хочу нервных актеров! Сцена и без того трудная. Мне сегодня никаких нервов не надо.

— Как ты себе эту сцену представляешь? Где индейцы, перед которыми я должен выступать? Как далеко они будут от

Я видел, что Армандо смущен; де Милль

на глазах наливался гневом. — Мистер де Милль, он спрашивает, где тут десять тысяч индейцев?

Каких, к черту, индейцев? — спросил

Армандо перевел:

— О каких индейцах вы говорите?

— Но мне сказали, что в этой сцене я говорю речь перед десятью тысячами ин-

ся, я должен запеть, направить коня к ска-

перевел с англияского Л. Минц.

8 Y X сумасшедшего привеле и слезть. Я глядел на лампу: зажжется ле и слеать. И глядел на лампу: зажжется она — и начнется моя новая жизнь. Или сразу придет конец мечтам. Лампа заж-глась. Я услышал свою песню. Я забыл обо всем: теперь я был индейцем, молодым шайеном. Костер! И тут я сотворил нечто совершенно неожиданное: лишь увидев костер, я прыгнул за ближайшее дерево и спрятался за ним. Де Милль заорал:

— Стоп! Что этот идиот снова вытво-Борвался де Милль. в мгновение ока испарилось все TO. что я продумывал неделю. Де Милль заметил смя смятение на лице и спросил Армандо:

— В чем дело? Роли не знает, что ли?

— Все в порядке, все в полном порядке, ответил я по-испански.— Только мне ке, — ответил я по-испански. — 1олько мне почему-то казалось, что я буду произносить речь перед индейцами. — О'кей, накрутим пробный ролик! — и де Милль повернулся к съемочной площадке, окруженной дюжиной сосен. Вспыхнули юпитеры, и де Милль скаряет?! И снова начались лихорадочные переговоры и «переводы», окружающие были в ужасе и спрашивали меня, зачем я это сде-

— Так, а теперь полезай на коня, второго коня поведещь на поводу. Проедешь по долине, пока не доберешься вон до того дерева, потом повернешься и увидишь костер. Слезешь с коня и подойдешь к огню.

Мне «перевели» приказ, я побежал к коням, которые стояли у скалы. Кони были на оседланы! А я и с седлом-то еле-еле ездил! Мгновение я постоял на скале, потом забрался на коня; это оказалось легче, чем я предполагал. Де Милль крикнул нетерпеливо: нетерпеливо:

— Ну, что там делается?

Я издал невразумительный, но вполне «индейский» вопль, который должен был звучать успокаивающе. Тронул коня пятками и очутился перед камерой. Пока все шло гладко. Я добрался до середины площадки и согласно замыслу режиссера слез с коня и шагнул к огню. Де Милль повертился к «эксперту по колориту» и спросит. лся к «эксперту по колориту» и спросил: — А песню? — Почему не поете песню?!— заорал

Армандо.

— Какую песню? — Песню того Песню, которой я вас учил все это

время! Корабль явно начал давать течь. Какую

еще песню они от меня требуют?
— Что здесь, черти вас всех раздери, делается?!—яростно заговорил де Милль.— То он хочет какие-то речи произносить перед десятью тысячами индейцев, то он о лесятью тысячами индейцев, то он о песне понятия не имеет — ЧТО ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТСЯ?! Я вас спрашиваю: ЧТО? Моего скальпа ему не надо?! — Он повернулся к Джо Игли: — Найдите мне когонибудь другого! И он пуручить

И он рухнул в кресло. Раздражение шло него кругами, всех охватила паника. Тут появился Купер, и де Милль позвал

- Присаживайся, Гарри. Подождем ма-ъ. У меня ощущение, что этот малец не подходит.

Но Гарри — вечно буду Но Гарри — вечно буду благословлять его имя! — попытался разрядить обстановку: — Дай парню разок попробовать. Он на-

пуган, ведь это его первый фильм.
— При чем здесь я? Почему я должен

терять из-за кого-то время?

— Не беда!— махнул рукой Гарри.-

его еще у гримера заметил. Выглядел что надо. Поможем ему, пусть начинает.

— Ладно, попробуем еще разок. Скажите там ему, чтобы он пел, что умеет, только чтоб по-шайенски.

— Пой какую-нибудь песню, когда по-едешь,— «перевел» мне Армандо. Я схватился за узду и вскарабкался на коня. А про себя говорил: «Если уж я те-перь шайен, буду петь шайенскую песню».

перь шайен, буду петь шайенскую песню». — Начали! — закричал де Милль. И вдруг у меня прорезался голос, я громко запел. бог знает на каком языке, главное, чтоб было непонятно, но смысл песни был таков: «Черт вас возьми, бледнолицые, меня вам не покорить, не унизить, мы — шайенский народ — победим вас, а с тебя, де Милль, я сниму скальп и сделаю из него половик в своем вигваме или в-чем-там-еще живут шайены!» И тут я впервые увидел улыбку на лице де Милля.

де Милля.

 Так-то лучше. — Он повернулся к Гар Может, с этим будет в порядке. Роль он знает?

Он знает:

До меня вдруг дошло, что зря я все его речи воспринимал до сих пор слишком серьезно. Гарри подмигнул мне. Другие тоже быстро сообразили, что я не настоящий индеец, но никто меня не выдал. Де Милль попросил объяснить мне следующий

эпизод: — Подъезжает, видит огонь, останавливается у него, а тут из-за дерева появляется Гарри Купер, нацелив на него ружье. Парень поднимет руки и начнет свою

речь. — Ну как?— спросил де Милль, а Гарри

заявил: — Совсем неплохо, парень производит

отличное впечатление.

Мне показалось, что де Милль тоже доволен. Он начал командовать осветителям, а я пошел передохнуть в гардероб.

"И снова я забрался на коня. Над моей головой висела лампа, и, когда она зажжется, я должен запеть, направить коня к ска-

сказал Армандо по-испански:

Передайте ему, что я не согласен с

— передальс солу, эпизодом.

— Это я должен сказать де Миллю?— Армандо покачал головой и покачал нальцем на какого-то человека, одетого и раскрашенного, как я.— У них уже есть другой артист, который получит твою роль,

Мне стало ясно, что я вишу на волоске.

И я сказал ассистенту режиссера:

— Скажите, что я извиняюсь, я сделаю все, как он хочет, хотя сам с этим не со-

гласен.

Снова направил я коня к скале, снова ждал сигнала лампы и все спрашивал себя: «Зачем ты, Тони, это все делаешь?»

Мигнула лампа, и снова я запел о победе. И чем громче звучали в ушах крики де Милля, тем яростнее я пел. Вот он, костер! Но теперь я повел себя иначе, котя так же неожиданно: на этот раз я огляделся вокруг, осторожно соскочил с коня, подполз к костру и замер на мгновение.

подполз к костру и замер на мгновение. Потом оглянулся и прыгнул за дерево. Если в первый раз де Милль взорвался просто, то теперь это был взрыв атомной бомбы. Проклятья и ругательства посыпатильная мого несматили голови

лись на мою несчастную голову в неверо-ятном количестве и, я бы сказал, качестве. — Мистер де Милль, а ведь получи-лось отлично, — осмелился заметить кто-то, а оператор Мильнер стал меня горячо за-

щищать:

щищать:

— Господи, это было блестяще! Волшебно! Как этот парень слез с коня! Как он озирался! Прямо не кино! А как он подползал к огню, осторожно, боязливо, просто чувствуещь, что парень знает, что враг близко! А как он поля! о! А как он полз! Я хочу, чтобы он там СТОЯЛ!— ре-

вел де Милль.
— Послушайте, молодой человек, это же ваш первый опыт...— убеждали меня дру-

гие.

— Мне неинтересно, что он там лопочет,— захлебывался де Милль.— Не он делает фильм. Это Я делаю фильм! Заплатите ему, и пусть он убирается домой!

Как дважды два—четыре, ясно было, что что он там лопо

потеряно. И я вдруг сказал по-англий-

— Мистер де Милль! — Ах, вот оно что! Он еще и по-английски говорит?!

— Послушайте, вы меня уволили, отправили домой — это ваше дело, все в порядке. Не нравлюсь вам — хорошо. Но я все-таки не идиот, я артист, как-никак. Я много играл в театре, и чихать мне в конце концов на ваши вшивые семьдесят пять долларов. За скверную работу я денег брать не привык. Но позвольте вам заметить, что вы плохо продумали этот эпизод.

Наступило гробовое молчание.
— Как то есть?— наконец спросил

де Милль.
— Это костер белого или индейца?
— Какой еще костер?

— которым я стою. Разложи

Какой еще костер?
Перед которым я стою. Разложил его индеец или американец?
Гарри Купер разложил.
Он ведь белый, правда? А вы что же, думаете, что я, индеец, не отличу костер белого от индейского костра? Если бы это был индейский огонь, я бы стоял у него хоть час, но перед костром белого, да еще на открытом месте, я и паршивой секунды стоять не буду: он же обязательно скрывается поблизости и хочет меня прикончить.

вается поблизости и хочет меня прикончить. Дурак я, что ли? Конечно же, я скроюсь. Сто пятьдесят человек— артисты и технический персонал, казалось, не дышали, а мы с де Миллем сердито уставились друг на друга. Внезапно де Милль резко повернулся к Куперу.

— А ведь парень прав! Переделываем

весь эпизод. У всех отлегло от сердца. Такое напряжение царило весь день, что, когда я одним дыханием произнес свою речь, все зааплодировали.

дировали.

Де Милль пожал мне руку.

— Не сердитесь за это недоразумение.

Только зачем было врать? Пусть вы никакой не шайен, зато как раз то, что я себе
представлял для этой роли. И нервы, и
время бы сэкономили... Сдается мне, что
начало — многообещающее. Вы не зашли бы ко мне на днях?

Перевел с английского Л. Минц.